

ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КУМАНДИНЦЕВ

Опубликовано: История, археология и этнография Средней Азии. — М.: «Наука», 1968. — С. 316-323

Северные тюркоязычные алтайцы, к которым принято относить тубаларов, челканцев и кумандинцев, а в более широком смысле и шорцев, до Великой Октябрьской революции по хозяйству, культуре и быту в целом резко отличались от южных. Эти различия распространяются также на язык и антропологический тип. Этнографическое своеобразие северных алтайцев сложилось на основе первобытного комплекса хозяйства, ведущее значение в котором принадлежало охоте на таежного зверя, в то время как у южных алтайцев весь облик культуры и быта определяло пастбищное скотоводство (кочевое или полукочевое). Кроме охоты, видную роль в хозяйстве северных алтайцев играло мотыжное земледелие, таежное рыболовство и собирательство. Правда, некоторые отрасли собирательства, по крайней мере со второй половины XIX в., приобрели значение доходного промысла. Это относится прежде всего к сбору кедрового ореха, скупавшегося торговцами. В конце XIX и начале XX в. этот промысел составлял у кумандинцев, челканцев и тубаларов едва ли не большую, чем пушнина, статью денежного дохода. В это время получила развитие и заготовка черемши для сезонной продажи ее русским крестьянам на деньги или в обмен на ту или иную продукцию крестьянского хозяйства. Вообще же сбор диких съедобных корней и растений в горной тайге и заготовка их впрок (корни кандыка, луковицы сараны и др.) у северных алтайцев были существенным подспорьем в питании. Из древнего собирательства у северных алтайцев возникло и пчеловодство, но это уже благодаря влиянию русских крестьян. Сбор меда диких пчел превратился сперва в бортничество, а затем и в пасечное пчеловодство. Охарактеризованный выше древний хозяйственный комплекс, порожденный низким уровнем развития производительных сил, наложил столь сильный отпечаток на все стороны жизни, что это дало повод известному этнографу В.Г. Богоразу отнести северных алтайцев к представителям древнейшей так называемой праазиатской культуры, к «отюроченным праазиатам». Культуру северных алтайцев, как и некоторых других таежных племен Саяно-Алтайского нагорья, В.Г. Богораз вообще считал реликтовым остатком древнейшей пешей охотничьей (звероловческой) культуры Северной Азии, пешей потому, что для охотников было характерно передвижение зимой на лыжах, с грузом, влекомым собой на ручной нарте, а летом пешком, реже — на лодках по горнотаежным речкам¹.

Не вдаваясь в глубь обсуждения проблемы, выдвинутой В.Г. Богоразом, мы подчеркнем только, что древность охотничьей культуры в описанном нами комплексе для Саяно-Алтая и прилегающих к нему районов удостоверена ранними письменными источниками (главным образом китайскими летописными известиями). Древняя охотничья культура была связана здесь главным образом с самодийскими и некоторыми другими этническими элементами, но во всяком случае не тюркскими, хотя в настоящее время все северные алтайцы тюркоязычны, причем сохраняют в языке древнетюркские черты, известные по памятникам древнетюркского (VI—VIII вв.) и уйгурского (VIII — IX вв.) времени.

Изучая вопрос происхождения северных алтайцев, мы в свое время обращали внимание на их весьма сложный и смешанный этнический состав². Мы попытались тогда отметить общность ряда элементов культуры и быта северных алтайцев, устанавливаемую на этнографическом материале, с культурой и бытом угрских и самодийских народностей Сибири, усматривая в этом отражение ранних этногенетических связей между упомянутыми

¹ Древние переселения народов в Северной Евразии и в Америке. Сборник МАЭ, т. VI. Л., 1928.

² Л.П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, стр. 161.

народностями³. В области материальной культуры это проявилось, например, в одежде. Распашная верхняя одежда кумандинцев, челканцев и шорцев совершенно одинакова по покрою и материалу (самодельный холст из волокон кендыря или крапивы) с одеждой сургутских хантов. С.И.Иванов пришел к такому же заключению, сравнивая орнамент на тканых и вязаных изделиях шорцев и кумандинцев с орнаментом южных групп хантов и мансей и нарымских селькупов. Упомянутая общность устанавливается при сравнении формы очага, лодок, охотничьих ручных нарт, лыж, способов хранения продуктов и деревянных сооружений (срубные амбарчики) и т. д. Немало таких аналогий мы отметили в области шаманского культа и различных верований.

В данной статье нет необходимости все это повторять или дополнять некоторыми материалами. Мы хотели бы обратить внимание на некоторые элементы культуры и быта северных алтайцев, свидетельствующие о наличии в их составе этнических компонентов, связанных со скотоводческой культурой, с культурой и бытом кочевников горных и предгорных степей и долин Алтая. Правда, в нашей более ранней работе, на которую мы здесь ссылаемся, имеется попытка обратить внимание и на этот вопрос, но только на материале тубаларов. Мы отметили, что в их составе имеется этноним тиргешь, сигнализирующий об этногенетической связи современных тубаларов с древнетюркскими тюргешами, скотоводами-кочевниками, входившими в западнотюркский каганат и обитавшими поблизости, к западу от Алтая. В подтверждение этой связи мы указали еще, что тубалары сеока (рода), а в XVII—XVIII вв. «волости» Тиргешь выделяются из большинства коренных тубаларских сеоков по ряду этнографических признаков, отражающих древний скотоводческий быт, характерный для древних тюрок.

Женщины у тиргешей, например, носили длиннополую, распашную, безрукавную одежду «чегедек», характерную для южных алтайцев, западных монголов и т. д. Среди тиргешей было развито изготовление различных молочных продуктов, способ приготовления которых и названия характерны также для скотоводов-кочевников, в частности для южных алтайцев. Не увеличивая количество подобных примеров, можно уверенно сказать о следах скотоводческой культуры у тиргешей. Однако изучение этого вопроса у северных алтайцев позволило установить, что тубалары-тиргешы вовсе не являются единственным примером, указывающим на наличие в современном этническом составе северных алтайцев древних этнических компонентов, связанных с культурой и бытом скотоводов-кочевников. Более того, это изучение показало, что и челканцы, и кумандинцы, несмотря на малочисленность, определенно смешанного этнического происхождения, что становится очевидным при историко-этнографическом изучении каждого их сеока в отдельности. Смешение проявилось не только в этническом составе, но и в области культуры и быта, в которой можно различить как элементы древней охотничьей культуры, о чем говорилось выше, так и черты культуры и быта скотоводов-кочевников. В настоящей статье мы рассмотрим этот вопрос в отношении кумандинцев, которых в научной литературе принято считать едва ли не древнейшими из аборигенов Алтая. Такое представление о них сложилось в результате сопоставления этнонима (или названия государства) Со, о котором повествует одна из древнетюркских генеалогических легенд, сохранившаяся в ранних китайских династийных летописях, с наименованием сеока Со у современных кумандинцев. Н.А.Аристов прямо заявлял: «Владение Со на севере от страны хуннов... должно было находиться на северной стороне Алтая. В настоящее время один из двух родов, из которых состоит верхнекумандинская волость, на р. Бии, около впадения в нее р. Лебеди, носит имя Со, а другой — Кубанды, или Куманды. Отсюда можно с достаточной достоверностью заключить, что легендарный праотец турков происходил из племени Со, обитавшего на севере Алтая, и что род Со является маленьким остатком этого, вероятно, в доисторические времена не совсем малочисленного племени»⁴. Эта гипотеза широко вошла в нашу научную литературу. Таким

---

³ Там же, стр. 153—161.

⁴ Н.А.Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.

путем кумандинцы стали фигурировать в числе вероятных предков древних тюркок-тюкю, а с Алтаем стали отождествлять если не «прародину», то «колыбель» тюркских племен и народностей.

Наше изучение некоторых аспектов этнической истории кумандинцев не подтверждает упомянутую здесь интересную гипотезу, хотя, конечно, оно не ставило задачей исследовать специально этот вопрос.

Кумандинцы, как и челканцы, выделены в особую самостоятельную группу северных алтайцев В. Радловым⁵. Еще у В. Вербицкого они были просто включены в состав кочевых «черневых татар» Бийского округа. Их административные волости (Верхне-Кумандинская и Нижне-Кумандинская) перечислены вместе с волостями тубаларов (Кузенской, Южской и др.). Такое деление кумандинцев на Нижнюю и Верхнюю волости относится, вероятно, к концу XVIII или началу XIX в., так как в официальных русских документах середины XVIII в. Кумандинская волость упоминалась без разделения на Верхнюю и Нижнюю. Наименование это было дано царской администрацией и получило отражение и в языке кумандинцев⁶. Кумандинские названия Оре Куманды и Ал-тына-Куманды, прочно вошедшие в повседневный обиход, являются лишь кумандинским переводом русских названий этих волостей. Сами кумандинцы утверждают, что они таких названий раньше не имели и не подразделялись на верхних и нижних. Об этом говорит также и одно предание, записанное нами у верхних кумандинцев в 1936 г.⁷ В нем сказано, что в «ойратское время» (т.е. в период господства западномонгольских или ойратских ханов в XVII в.) кумандинцы жили по р. Чарышу близ впадения его в Обь. Разделения их на верхних и нижних в то время не было. С устья Чарыша кумандинцы переселились вверх по Оби и поселились по р. Катунь (вверх от устья до впадения в нее р. Маймы) и по р. Бие. Расселение кумандинцев в этих местах подтверждается одним из русских исторических документов 1653 г., о чем еще будет сказано дальше. Переселение это было вызвано нежеланием платить ясак русскому государю. Таким образом, как считают сами некоторые кумандинцы, они являются в горно-таежных районах верховьев Бии пришлым элементом.

Разделение кумандинцев на верхних и нижних долгое время не вытесняло у них деления на экзогамные сеоки—роды. Еще во времена В. Радлова, когда он сто лет тому назад посетил кумандинцев, у верхних и нижних кумандинцев существовало четкое деление на сеоки. У верхних кумандинцев исследователь зафиксировал два сеока: Со и Кубан (или Куман), а у нижних четыре: Тас (Тастар), Йуты (Чооты), Чабаш (Чабат) и Тон-Кубанды⁸. Во время наших поездок к северным алтайцам (особенно в 1936 г.) нам смогли назвать уже только четыре следующих сеока: Оре-Куманды, Тастар, Чооты и Алтына-Куманды. Ни сеока Чабат, ни сеока Тон-Кубанды нам уже не назвали. И только после длительных бесед и расспросов мы выяснили, что сеок Чабат есть и у нижних, и у верхних кумандинцев, но у тех и других он отдельно не называется, а лица, принадлежащие к этому сеоку, называют себя либо Оре, либо Алтына-Куманды. Сеок Тон нам тоже назвали, но уже после того как мы о нем специально спросили. Было такое впечатление, что об этом сеоке «вспомнили». Однако в одном из дел «Об устройстве кочевых инородцев Кумандинской волости» мы нашли прошение «верхних кумандинцев», датированное 15 сентября 1906 г., в котором говорилось, что верхние кумандинцы состоят из четырех сеоков: Керзал, Солу, Алтон (т.е. Алтына—нижние) и Ере (т.е. Оро — верхние)⁹. Следовательно, падение роли сеоков и утрата их названий у кумандинцев происходили довольно быстро, ибо уже в начале нашего столетия

«Живая Старина», 1896, № 3—4, стр. 279.

⁵ Aus Sibirien, Bd. I. Leipzig, 1884, S. 212

⁶ Волости эти получили название Верхней и Нижней от местообитания кумандинцев в верхнем и нижнем течении р. Бии.

⁷ Записано в улусе Шанграке Озеро-Куреевского сельсовета Турочакского аймака Горно-Алтайской автономной области.

⁸ Aus Sibirien, S. 212.

⁹ Барнаульский архив, д. № 142, св. 18.

чисто административные деления на волости Нижне-Кумандинскую и Верхне-Кумандинскую (на кумандинском языке — на Алтына-Куманды и Оре-Куманды) местами уже заменяли названия по сеоку. На вопрос о принадлежности кумандинца к тому или иному сеоку часто следовал ответ: Оре-Куманды, или Алтына-Куманды. В этом нам пришлось убедиться лично, когда только после длительных расспросов и вопросов нам иногда удавалось выяснить принадлежность данного лица к определенному «подлинному» сеоку. Часто называющий себя Оре-Куманды или Алтына-Куманды, не знал, что он называет себя по административному старому волостному делению, а полагал, что это и есть название его сеока. При этом любопытно, что, если верхний кумандинец, например, переселялся в район обитания нижних кумандинцев, он все равно считал себя Оре-Куманды, т.е. верхним кумандинцем. Оба этих названия — Оре-Куманды и Алтына-Куманды — в начале XX в. стали отождествляться с названиями сеоков до такой степени, что осознавались даже как экзогамные единицы. Алтына-Куманды не вступали в брак с лицами, принадлежащими к сеоку Тон, а Оре-Куманды — с сеоками Тастар и Чооты. Правда, в этом экзогамном запрете можно видеть косвенное указание на былую принадлежность того или иного современного представителя Оре-Куманды или Алтына-Куманды к одному из упомянутых сеоков.

Большинство названий сеоков, перечисленных В. Радловым для кумандинцев, встречается в русских исторических документах первой половины XVII в. как названия ясачных волостей, следовательно, они тогда существовали. Сеок Кубан, или Куман, обнаруживается в наименовании «Кумандинская волость» (1629 г.), которая в то время не подразделялась на Верхнюю и Нижнюю. Сеок Со мы узнаем в названии Солунской волости, упоминаемой в документах 1630 и 1650 гг.; сеок Тас (множественное число Тастар) — в Тастарской волости; сеок Чабаш, или Чабат, — в волости Чабатской (1629—1631 гг.). В этот же период в документах упоминается и Керсагальская волость, а также волость Ак-Кыштымская, или Азкыштымская. Последняя представляет для нас интерес в том смысле, что в упомянутую выше поездку В. Радлова эта волость еще существовала у телеутов и в ее составе, как и среди кумандинцев, находился сеок Ыуты (Чооты).

В расселении Кумандинских волостей XVII в. по сравнению с одноименными сеоками были некоторые отличия. Большинство их также кочевало в бассейне р. Бии, не выше р. Лебеди. Они относились тогда административно к «Кондомским волостям» потому, что путь к ним из административного центра Кузнецкого острога лежал через Кондому. Например, волости Чабатская и Солунская упоминаются вместе с Телесской в документах 1630 г. Зато волость Тастарская относилась к «горно-порубежным» волостям Томского уезда и находилась в верховьях р. Кии (левый приток Чулыма), в северных отрогах Кузнецкого Алатау. Отсюда видно, что предки современных кумандинцев в XVII в. жили разбросанно и не представляли собой единой родо-племенной группы. Они жили вперемежку с тубаларами (например, с Кузен, Комнош, Юз, Тиргешь) и челканскими сеоками, и в непосредственной близости от Телесов (северного бассейна Телецкого озера), и Тау-телеутов (горных телеутов), обитавших между Бией и Катунью. Чабатская волость в 1636 г., вместе с Южской (тубалары) бежали с женами и детьми «в черные калмыки». В 1653 г. представителей Чабатской волости («Чабатских мужиков») обнаружил за р. Бией кузнецкий казак «Поспелко с товарищи», который выяснил, что они «государево де ясаку не плачивали»¹⁰. Таким образом, в середине XVIII в. чабаты жили за р. Бией, ближе к р. Катуню, и, возможно, были связаны с кумандинцами, так как в это время (1653 г.) в одном из русских документов определенно говорится: «По Бие и по Катуне реке волости Малые и Большие Куманды»¹¹. Следовательно, левобережье р. Бии вплоть до ее слияния с Катунью и прилегающее к этому району правобережье Катуню в середине XVII в. входили в область расселения «Куманды».

При анализе этнических компонентов в составе кумандинцев мы исходили из записей В. Радлова, впервые определившего кумандинские сеоки. Из них сеоки Со и Кубан не

¹⁰ Г. Миллер. История Сибири, т. III, док. № 242 (рукопись, хранится в Институте этнографии в Ленинграде).

¹¹ Там же, док. № 252.

встречаются ни у одной из родо-племенных групп как северных, так и южных алтайцев и могли бы считаться коренными сеоками для верхних кумандинцев. Но в действительности это не так. Если обоих этих сеоков нет у алтайцев, то этноним Со (в транскрипции: Сого, Соко, Соо, Соки) встречается в родо-племенных названиях у хакасов и даже якутов¹². У хакасов-качинцев зафиксировано интересное предание, из которого следует, что Соко, или Соки, жили раньше на Иртыше, следовательно, в долине Енисея они являются пришельцами¹³. Упомянутый географический элемент в преданиях кумандинцев и качинцев представляется вполне реальным, отражающим прежнее местообитание кумандинцев, в частности, родо-племенной группы Соо (Сого, Соки) и части качинцев на Иртыше и Чарыше, территория которых временами (особенно в XVII в.) входила в сферу господства ойратских (западномонгольских) ханов. Об этногенетической связи качинского сеока Соки с кумандинцами, в частности с сеоком Со, наводит на мысль и то обстоятельство, что у качинцев этот сеок входил в состав Кубанова административного рода, наименование которого полностью совпадает с наименованием кумандинцев (Кубан). Скорее всего, что и кумандинцы, и качинцы сеока Соки имели общих предков, именовавшихся Куман (Кубан).

Такие предки исторически хорошо известны. Они входили в состав средневековых кыпчаков (половцы русских летописей, или команы византийских источников), распространивших свое политическое влияние в обширных степях от Алтая до Крыма и Дуная с конца XI по 30-е годы XIII в. Иртыш с прилегающими к нему степями (во всяком случае ниже оз. Зайсана) находился в сфере этого политического объединения. Позднее, когда Батый, победив кыпчаков, основал здесь государство, получившее название Улуса Джучия (Золотая Орда), кыпчаки-команы, или половцы, продолжали кочевать в этих степях и лишь с распадом Улуса Джучия, или Золотой Орды, вошли в этнический состав ряда тюркоязычных народностей (казахов, ногайцев, узбеков, алтайцев и т. д.). В кыпчакское объединение, несомненно, входили и телеуты, о чем свидетельствует прежде всего их язык. По известной классификации тюркских языков, язык кыпчаков, телеутов, как и язык кумандинцев (а также тобольских татар, барабинцев и т. д.), относится к общей, а именно северо-западной, или кыпчакской группе¹⁴. Любопытно, что у современных южных алтайцев один из наиболее многочисленных сеоков называется Кыпчак и считается в кровном родстве с наиболее известным и большим по численности телеутским сеоком Мундус. Телеуты, как известно, кочевали не только в Приобских, но и Прииртышских степях, прилегающих к Западному Алтаю. В начале XVII в. значительная часть телеутов составляла оток в четыре тысячи кибиток, входивший номинально в состав Джунгарского государства. Кумандинцы до переселения на Бию, когда они, согласно предания, кочевали в низовьях Чарыша, определенно жили вместе, а скорее всего — просто в составе телеутов.

В свете предшествующего изложения кажется вполне обоснованным мнение профессора О. Притсака, что термин «куман» в названии кумандинцев адекватен названию половец и кыпчак¹⁵.

Если наше предположение о происхождении по крайней мере верхних кумандинцев от кыпчаков и телеутов, этих скотоводов-кочевников, основывается на анализе этнонимов, некоторых исторических данных и преданий, то мы вправе ожидать, что и этнографический материал даст такие же показания. Действительно, это так.

Названные сеоки, из которых состояли «верхние кумандинцы», были связаны в прошлом с культурой кочевников-скотоводов. Об этом убедительно свидетельствует

¹² О сопоставлении Со с саха — самоназванием якутов — и с этнонимом Сагай, Сакайсм. *Philological Turcical Fundamenta*, p. 600.

¹³ Г.В. Ксенофонов. Ураанхай-сахалар. Иркутск, 1937, стр. 31. Часть качинцев при хане Кучуме проживала на р. Тоболе и пришла в окрестности Красноярска после падения Сибирского ханства. См. Л.П.Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 86—87, 179.

¹⁴ А. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922. стр. 10—11.

¹⁵ O. Pritsak. Stammesnamen and Titulaturen der altaischen Volker. *Ural-Allairesche Jahrbücher*, Bd. XXIV, H. 1—2, 1952, S. 49—104.

различный этнографический материал, собранный нами в 30-х годах среди верхних кумандинцев, в частности сведения о былом значении лошади в жизни верхних кумандинцев. Как мы знаем по хорошо документированным материалам, кумандинцы, по крайней мере с середины XVIII в., были охотниками и отчасти земледельцами. Скота они имели мало, главным образом крупный рогатый скот и лошадей, которых содержали по образцу русских крестьян. Тем не менее у кумандинцев, у этих казалось бы горнотаежных охотников, в языке сохранилась хорошо разработанная тюркская терминология мастей лошадей, совпадающая с южноалтайской, тувинской, киргизской; сохранились и названия лошадей по возрасту и полу. Лошадь занимает видное место в их фольклоре и шаманских верованиях. Кумандинцы-шаманисты, как и южные алтайцы, приносили лошадь в жертву, выставляя на жертвеннике ее шкуру. В жертву приносили только свою, выращенную у себя лошадь, но не покупную. За отсутствием своей допускалось брать для жертвоприношения лошадь у родственника по сеоку. Таким образом, жертвоприношение лошади носило в прошлом, несомненно, родовой характер. Это подтверждается еще и тем, что предназначенная для жертвенных целей лошадь («ајык», ср. алтайское «јајык», тувинское «ыдык») считалась неприкосновенной, ее нельзя было использовать для сельскохозяйственных работ, для упряжек; к ней нельзя было прикасаться женщине, ибо при экзогамности браков женщина в данном сеоке всегда была чужеродкой. Не мог прикасаться к этой лошади и мужчина из чужого сеока. Правда, в самом обряде жертвоприношения лошади были и такие элементы, которые сближают этот обряд (как и некоторые изображения деревянных идолов и др.) с аналогичными обрядами у хантов и манси, на что нам уже приходилось обращать внимание¹⁶. Но даже в том случае, если в этническом составе кумандинцев имеются некоторые древнеугрские этнические элементы, рассматриваемая историческая связь кумандинцев с культурой кочевников-скотоводов не вызывает сомнения.

В этом отношении еще более убедительным отголоском скотоводческой в прошлом культуры верхних кумандинцев, так же как и у челканцев, служит название шаманского бубна, которым пользуется кумандинский шаман во время камлания. Прежде чем остановиться на значении данного термина, следует напомнить, что у шаманов всех саяно-алтайских народностей шаманский бубен осмыслялся как ездовое животное, на котором «ездит» шаман в различные миры во время камлания. Когда шаману делали первый бубен, то совершали обряд «оживления» бубна, обряд оживления его как ездового верхового животного. Этот обряд был известен кумандинцам¹⁷. У кумандинцев шаманский бубен назывался вообще распространенным на Алтае термином «туур». Однако во время камлания, когда бубен становился ездовым животным шамана, он у кумандинцев (как и у телеутов, и у челканцев) назывался уже термином «ак-адан», т. е. «чистый» или «священный» адан. Слово «адан» означает взрослый холощеный верблюд. Следовательно, шаманский бубен у кумандинцев как ездовое животное осмыслялся в виде ездового (холощеного) верблюда. Шаман же у кумандинцев во время камлания назывался не «кам», как обычно, а «аданыг», т. е. едущий на «адан», едущий на верблюде. Такое представление о бубне могло возникнуть только в скотоводческой среде, причем в среде кочевников, разводивших верблюдов. Этот любопытный пережиток вполне согласуется с упомянутым выше преданием части кумандинцев о приходе их в современные места обитания из степей Чарыша, а может быть и степей Иртыша, где верблюдов разводили еще недавно и они играли определенную роль в хозяйстве некоторых кочевников.

Наряду с отмеченным фактом мы располагаем и другими материалами из области кумандинского шаманства, указывающими на связь его с шаманством скотоводческих народов Саяно-Алтайского нагорья. Некоторые верхнекумандинские шаманы имели бубен,

¹⁶ Л.П.Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 154.

¹⁷ См. Л.П.Потапов. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая. Тр. ИЭ АН СССР, н. с, т. I. М.—Л., 1947; L.Potapov. Die Schamanentrommel bei den Altaischen Volkern. Graubenscheit und Folklore der Sibirischen Völker. Budapest, 1963, S. 236—239.

называвшийся по его рукоятке «тезим». Такой бубен был характерен для южных алтайцев¹⁸. В призываниях кумандинскими шаманами своих духов, в частности пары гусей, изображенных на бубне, упоминается озеро Сутхоль, на котором купаются и отдыхают эти помощники кумандинского шамана. В данном случае речь идет не о художественном образе «молочного озера», а о реально существующем под этим названием в Туве озера, которое часто упоминается в призываниях тувинских и алтайских шаманов.

Элементы древней скотоводческой культуры у верхних кумандинцев прослеживаются и в других этнографических особенностях, например, в характере и названиях пищи. Такие мясные блюда кумандинцев, как «кан» и «шургем», а именно кровь, налитая в кишки (вареная кровяная колбаса), и вареные, свитые в жгуты тонкие кишки, перевитые еще подбрюшным салом, или «кыйма» (прямая кишка лошади, начиненная кусками мяса и жира), являются характерной мясной пищей кочевников, в том числе и алтайцев, и тувинцев. К пище, распространенной у алтайских скотоводов, относится похлебка из зерен ячменя «кочо», бульон «мун» и другие блюда, распространенные у кумандинцев. Если возьмем некоторые орудия труда, то такие из них, как скребки для выделки овчин, волосяные арканы и некоторые другие снова вводят нас в круг предметов скотоводческого быта, распространенных у тувинцев, южных алтайцев, казахов, киргизов и т. д. Хотя кумандинцы получили телегу от русских крестьян, но называют они ее своим термином «арба», распространенным в Средней Азии, означающим двухколесную арбу, и, конечно, чуждым пешим охотникам горной тайги. Умение делать войлок кумандинцами также нельзя причислить к охотничьей древней культуре. Мы могли бы в рассматриваемой связи назвать еще ряд различных элементов культуры и быта верхних кумандинцев, в частности, и такой характерный признак, как терминологию родства (кровного и по браку), свойственную многим тюркоязычным скотоводческим народностям, но и приведенного материала достаточно, чтобы констатировать данные, сигнализирующие об участии в этнической истории кумандинцев некоторых компонентов, связанных со скотоводческой культурой и бытом.

Все сказанное выше должно привести нас также к выводу и о том, что гипотетическое отождествление владения Со древнетюркской генеалогической легенды с кумандинским сеоком Со при локализации последнего в районе р. Лебедь в Северном Алтае не имеет фактического основания. Более плодотворным, по-видимому, нужно признать предположение о связи пратюркского государства Со с названием страны Со (в современной Восточной Монголии), из которой происходили Сяньби, точнее та часть, которая именовалась Топа, или Тоба. Именно их называли Со-лу — «варварами из страны Со»¹⁹. Поскольку имеются намеки на историко-генетическую связь сяньбийцев через теле древнетюркского периода с позднейшими телеутами (близкое сходство некоторых фольклорно-генеалогических сюжетов), то не исключено, что упоминание о стране Со в древне-тюркском генеалогическом предании отражает участие в наиболее раннем этапе этногенеза древних тюрков — сяньбийцев Тоба, на тюркоязычности которых, кстати сказать, настаивает ряд современных ученых²⁰.

¹⁸ См. L.Potapov. Указ. соч., стр. 236.

¹⁹ Liu Mao-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Os-turken (T'u-küe), t. II. Wiesbaden, 1958, S. 489.

²⁰ L.Basin. Recherches sur les paries T'o-pa. T'oimg Pao, vol. 39, 1950, livr. 4—5; G.Clauson. Turk, Mongol, Tungus. Asia Major, n. s., vol. VIII, 1960.